

ЗАПАДНЫЙ ФОРПОСТ

Свободная газета

№ 37

ИЮНЬ

2019

свободных поэтов

Андреаполь - Пено - Торонец

Нелидово - Белый

Что было – то уже давно прошло.
Что будет дальше – знает только
Бог.
Но оголит бесстыжее тепло
Весною кожу стройных женских ног.

И кровь бежит быстрее, взглянёшь
едва
На то, как в «мини» девушка идет.
Ведь где-то в закоулках естества
Запрятан бесконечной жизни код.

Что было – скроет времени туман.
Что будет... Кто же знает наперёд?
Но только птиц весенний караван
Одно и то же сотни лет поёт.

Вернется всё. Кричи иль не кричи –
Планета совершит свой оборот,
И к ранней Пасхе прилетят грачи,
И о любви напишет рифмоплёт.

Вселенная сродни душе людской.
Огромный, неизведанный мной мир
За горизонтом прячется чертой.
А я то ли поэт, то ли сатир.

Весь космос в скорлупе разбитых
звезд.
Разбившихся комет углы глассад.
И пусть снаружи я банально прост,
Внутри меня галактики кружат.

Вспорхнет душа, разламывая грудь,
О прошлом вспоминая на лету.
И если был бесчувственным весь
путь,
Не в свет шагнешь, а просто
в пустоту.

Далеких солнц ничемное тепло.
В опавших фруктах тонет райский
сад.
А жизнь без чувств такое барахло —
Ненужных яблок терпкий аромат.

Горят в глазах от счастья угольки:
С улыбкой в небо смотрит человек –
С ромашек опадают лепестки...
А говорят, что это валит снег.

*Иван Курничёв,
Нелидово*

СЛОВО О «РУССКОМ ГОФМАНЕ»

На карте мест проведения масштабных литературных фестивалей Калининградская область занимает особое место. Здесь четыре года назад по инициативе ряда творческих деятелей и организаций во главе с писателем и общественным деятелем Борисом Барфельдом состоялся первый фестиваль-конкурс «Русский Гофман». Как следует из названия, он посвящён творческому наследию Э. Т. А. Гофмана. Фестиваль стал ежегодным международным событием, в котором участвуют поэты и писатели из России, а также русскоязычные авторы из ближнего и дальнего зарубежья. В нынешнем году конкурсная география ширилась от Новосибирска до Израиля, а высокопрофессиональное жюри рассмотрело свыше семисот заявок, выбирая авторов, наиболее достойных финала. Он проходил в период с 19 по 25 мая, и вот уже второй год подряд в числе его участников оказался нелидовский поэт Игорь Столяров.

Фестивальная программа была

весьма насыщенной и включала в себя выступления финалистов в библиотеках и других культурных учреждениях Калининграда, поездки в Светлогорск и Черняховск, чтения, мастер-классы. Всё это проходило в удивительной атмосфере творческого общения и дружбы, в окружении уникальной местной архитектуры и красивейшей прибалтийской природы. Незабываемые впечатления подарило посещение замка Инстербург, где проходило чествование финалистов и победителей конкурса. Перед церемонией награждения участники получили возможность посмотреть танцевальный номер, послушать рассказ об истории замка, побывать в мастерской режиссёра-мультипликатора и даже поучаствовать в сценках молодёжной театральной труппы. Однако главное, что навсегда останется в жизни каждого, кто посетил калининградскую землю в эти тёплые и солнечные майские дни, – это новые дружеские и яркие творческие открытия.

Надежда СОРУЖЕНКОВА*г. Торонец*

Родилась 29 мая 1978 года в Торопце. В 1995 году окончила школу, в 2000 – экономический факультет Великолуцкой государственной сельскохозяйственной академии, в 2009 – юридический факультет Московского гуманитарно-экономического института. В настоящее время работает в межрайонном управлении пенсионного фонда России по Торопецкому району.

Написала несколько стихотворных текстов для торопецкой рок-группы «Никольский собор». Публиковалась в газетах «Великолукские ведомости», «Ореховские вести», в «Библиотечной газете», в торопецкой районной газете «Мой край», в журнале «Русская провинция», в коллективных сборниках «Стихи рождаются, как дети...» и «Поэзия истоков».

* * *

Было все. Пройдет и это.
Так сказал один мудрец.
От заката до рассвета
Не загадывай конец.
Что кукушка предсказала
Что гадала при свечах,
В цель попало и пропало –
Только пепел в волосах.
Только голос незнакомый
На обратной стороне
Жизни прежней, жизни новой,
Той, что теплится во мне.

* * *

Я просто сплю – мой сон подобен смерти.
Я просто сплю – и мысли ни о чем.
Часы остановились. В круговерти
Времен я сплю – и тишина кругом.
Мой взгляд застыл, дыхание
безвольно,
Не плачу я в душе и не смеюсь.
Мне все равно, и мне уже не больно,
И ваших слов я больше не боюсь.
Я просто сплю, уже ничто бывшее
Не трогает меня и не зовет.
Я просто сплю – и все на сердце горе
Сон чистым белым снегом заметет.

* * *

Снова в поезде, снова в дороге.
Уезжаю под грохот колес.
От забот, от проблем, от тревоги,
От своих не пролившихся слез.
Снова ветер хмельной за окошком
Мне напомнит, что жизнь есть игра,
Что любовь, словно черная кошка,
То урчит, то кусает меня,
Что слеза – лишь пылинка дороги,
А душа – это птица в пути.
На земле держат нас только ноги,
А не сильное сердце в груди.
Наша жизнь – это только дорога,
По которой нам нужно пройти
И оставить хотя бы немного,
Чтоб другим было легче в пути.

Мамины руки

Снова покидая отчий дом,
Когда дорога вас зовёт куда-то,
Не забывайте никогда о том,
Как без родимой мамы трудно вато.

Пусть ветер мыслей ворох растрепал
И вы бессильны от какой-то муки,
Запомните, никто так не устал,
Как мама и её натруженные руки.

Хоть раны, наболевшие давно,
Выделывают каверзные трюки,
И изменить всё в мире не дано,
У вас есть мамы милой, доброй руки.

Она, волнуясь, ждёт вас у крыльца,
Считая каждый час своей разлуки.
И даже у последнего истца
Отнимет вас и примет на поруки.

Её улыбка – солнышка светлей.
Вы берегите дар этой науки.
Пусть ей Господь отмерит много дней.
Благословенны будут мамы руки.

Колыбельная

Месяц спрятался в лукошко,
На окне свернулась кошка
И мурлычет: «Баю-бай.
Спи, малышка, засыпай».

Пусть тебе приснится чудо
И молочная река,
А над ней, как ниоткуда,
Сладкой ваты облака.

Привет:

Баю-бай, усни, красотка,
Закрывай глазёнки кротко.
Ангелы ночной порой
Охраняют твой покой.

Спящий город мирно дышит,
Голос мой почти не слышит.
Так что сказочка сейчас
Повествуется для нас.

Привет:

Баю-бай, усни, красотка,
Закрывай глазёнки кротко.
Ангелы ночной порой
Охраняют твой покой.

Расскажу тебе про страны,
Про большие города,
Про моря и океаны –
Ты отправишься туда.

А сейчас клади игрушки
На любимую подушку.
Обними её рукой,
Свои мысли успокой.

ПАПА

«Папа на фото!» – воскликнула крошка
И обнадёженно смотрит в окошко,
А за окошком пустая дорожка...
Папою стать поспешил ты немножко.

Вечер спустился на грустные крыши.
Папа не видит, папа не слышит,
Как, положив на подушку ладошки,
«Папа...» – прошепчут две доченьки-крошки.

Может быть, есть что-то в мире важнее
Сладких конфет, Бармалея страшнее...
Но для малыток и с дядей обложка
Папу напомнит хотя бы немножко.

Увольнение

Игорю Петровичу было заметно за пятьдесят, но до пенсии ещё довольно далеко. Последние лет пятнадцать он работал в одной солидной организации в областном центре кем-то вроде менеджера среднего звена. Честно говоря, даже, наверное, звена низшего, начального, но зато, несомненно, «в команде», и где-то наверху своей ниши. А ещё повыше сидели уже друзья и родственники совета директоров. Первое время в компании ему было непросто с его гуманитарным образованием, но с годами пришёл опыт, и за счёт него многое стало делаться автоматически, как бы само собой, и в офисе выпадало всё больше свободного времени.

Его Игорь Петрович тоже не тратил даром, читая на служебном компьютере книги, не читанные ранее, и переписываясь с друзьями из клуба любителей афоризмов – он любил на досуге придумать какую-нибудь хлесткую или глубокомысленную фразу и даже опубликовал несколько в местном журнальчике.

Не жаловался и на зарплату – по областным меркам она являлась немалой, заметно превосходя доходы многих его знакомых, которым не посчастливилось обладать его организаторскими талантами и работой в столь же уважаемой организации. Хотя, конечно, его деньги отличались от денег его коллег рангом повыше ровно в той степени, в которой он сам отличался зарплатой от обычных людей.

У него имелись жена и сын-студент. На последнего требовалось всё больше расходов, несмотря на то, что тому и повезло поступить на бюджетное отделение, но в целом Игорь Петрович был доволен жизнью.

И вот его сократили на работе.

В общем, к этому шло понемногу почти весь последний год, но увольняемый до последнего не хотел верить в очевидное. Всё складывалось весьма банально: в руководство компании пришли новые люди со своей командой, которую не спеша, но с железной последовательностью расставляли и на нижних этажах.

Игорь Петрович видел, конечно, происходящие рядом с ним перемены, но убеждал себя, что он-то нужен компании – такой небольшой, но необходимый винтик. Кажется, сослуживцы о чём-то шушукаются у него за спиной и даже намекают на корпоративных застольях – а на них Петрович в последнее время стал что-то больше выпивать, и порой с тру-

дом добирался потом до дома, надо бы с этим завязывать – однако в каждой организации есть свои сплетники и нечего обращать на них внимание.

Когда же час икс пробил и начальник отдела, вызвав к себе, объявил о неизбежном, Игорь Петрович почему-то почти не волновался. В общем, при увольнении к нему подошли по-человечески, насколько это было возможно в их фирме: дали месяц доработать и завершить все дела, выплатили выходное пособие, не очень большое, но и не маленькое, на которое можно продержаться с прежним уровнем жизни месяца три-четыре. Имелись ведь и примеры похуже, когда у них увольняли «залётчиков» и балласт.

...В тот день Игорь Петрович уже не должен был выходить в офис. Однако, он собрался как всегда, взял свой привычный старый, но ещё солидно выглядящий «дипломат» с газетами, бумагами и заготовленным загодя бутербродом, – и в обычный за много лет утренний час отправился «на работу».

Жене об увольнении пока ничего не говорил, опасаясь за её давление, да и за своё состояние после разговора. Сообщит как-нибудь потом.

По инерции он проехал на автобусе несколько остановок в направлении фирмы. Но, опомнившись, второпях вышел, почему-то боясь встретить бывших сослуживцев, нужных, счастливых, прячущих своё счастье под утренней хмурой сосредоточенностью, едущих – НА РАБОТУ. Где займут свои законные места у компьютеров или столов секретариата, не спеша попьют дармового кофе и угкнуться в дела. Вечером возвратятся в семьи с чувством выполненного долга, а в известные дни получают аванс и зарплату, необходимые для выживания.

Куда же теперь податься?

Поехал на один из двух городских железнодорожных вокзалов.

Уже подъезжая к нему, заметно успокоился. Наверное, поневоле втянулся в общий ритм трудового утра, в сосредоточенность лиц и экономные движения пассажиров автобуса, берегущих силы к предстоящему долговому дню и старающихся меньше задевать друг друга и мешать товарищам по несчастью. Кстати, совсем недавно, сам Игорь Петрович нередко, раза два-три в месяц, начинал свой рабочий день именно с такого же маршрута, отправляясь с вокзала по железной дороге за город по какому-нибудь, обычно однодневному, заданию

Александр ГОРШЕНКОВ,
г. Яхрома

фирмы.

Только в электричку сегодня, он, конечно, садится не будет. Положив на привычную с некоторых пор ленту просвечивающего вещи транспортёра свой портфель, уволенный в толпе других пассажиров оказался в зале ожидания. С некоторым недоумением огляделся вокруг – раньше он обычно проходил это пространство быстрым шагом к билетным кассам, задерживаясь разве что возле расписания, теперь ему предстояло ознакомиться со своим дневным обиталищем поближе.

Оно оказалось вовсе не мрачным, даже уютным, современным на вид. Неширокие ряды скамеек, по-видимому, недавно обновили, все они мягко светились розоватым светом и среди них не наблюдалось исчерканных или поломанных. За ними виднелся буфет с круглыми пластиковыми столиками и большой надписью «Хот-доги» на стене. По углам красовались невысокие пальмы в кадках и у одной стены высился целый рояль – судя по тому, что к нему сосредоточенно подходил бледный мужчина в слегка помятом концертном фраке, Игорю Петровичу вскоре прямо на вокзале предстояло немного приобщиться к высокому искусству. Он неожиданно вспомнил, что не так давно в местной газете пробежал глазами заметку о новом начинании департамента культуры – живая музыка в залах ожидания.

* * *

Как всё поменялось у ветреных муз,
хоть, может, они тому сами не рады,
что стало важнейшим из сотни искусств

искусство твоё дотянуть до
зарплаты.

У новой прелестницы скромный
наряд,

местами ободраны старые туфли,
и верить в такую всерьёз не велят
ни сердцу, ни разум...

Как сказано в Гугле,
худеть – это модно, но странно
весьма,

что мой кошелек тоже знает об
этом.

И, кажется, будет суровой зима
для тех, кто держался на
«роллтонах» летом.

Но всё-таки муза не бросит меня,
в союз голодранцев устроит
стажёром,

и грозно рублями в кармане гремя
мы выйдем с ней под руку

к звёздам тяжёлым.

**Фёдор Иванов,
г. Тверь**

Скрипач

Худой скрипач, не помнящий загар,
Одетый в тонкий плащ не по погоде,
На грязный пол в подземном
переходе

Положит старый кожаный футляр.
Возьмёт смычок покорная рука,
Как будто по чужой – великой –
воле.

И зазвучат прошедшие века,
Уложенные гением в триоли.
И лёгким мановением смычка
Подземный мир перелистнёт
столетья.

И кажется, что девушку в берете
На танец пригласит студент в очках.
Но людям дела нет до скрипача,
Наполнившего светом город
хмурых.

И только ангел с правого плеча
Слетит в футляр потрепанной
купюрой.

**Марина Крутова,
г. Тверь**

Игорь Петрович довольно долго походил между почти сплошь заполненными пассажирами или их баулами креслами, пока не нашёл подходящее место. Кресло, несмотря на новизну, оказалось не очень удобным: маленьким, скользким, постоянно приходили и уходили новые, не всегда опрятные, люди, рядом жевали что-то пахучее, бегали и баловались дети, сквозь нестройный гам и перекрывающий его трубный глас объявлений отходящих электричек доносились мелодии непонятных классических мелодий, – но в целом было терпимо. Притворяющийся пассажиром даже подремал немного, разомлевший в тепле и духоте после предыдущей тревожной – первой безработной! – ночи, и, встряхнувшись, достал из портфеля любимую газету. Её обычно он всегда листал на работе в обеденный перерыв. В последний свой рабочий день тоже не изменил привычке, но не дочитал немного, а сегодня можно и не откладывать удовольствие – открыть на виду у всех прямо с утра. «Небольшие радости свободного человека!» – усмехнулся уголком губ экс-сотрудник, тихо обрадовавшись, что он ещё вполне способен самоиронизировать.

Однако читалось очень плохо: глаза перепрыгивали со строчки на строчку и смысл прочитанного почти не открывался. А если что-то и открывалось, то казалось на удивление не интересным, вызывавшем желание со скукой отложить мятый листок. Игоря Петровича даже немного испугало столь резко изменившееся отношение к недавно ещё столь душеприятному занятию.

Кстати, когда он здесь в последний раз находился как нормальный пассажир, отправляющийся с сосредоточенным, как у всех, видом на служебное задание? Оказывается, и всего-то месяц с небольшим назад, теперь же получается, что с тех пор неведомо как ухнула целая уйма времени.

Ну а сколько уже он «отдыхает» тут сегодня? Такое впечатление, что половина рабочего дня незаметно прошла. Посмотрев на видимое сбоку у оконных штор табло, Игорь Петрович искренне удивился – всего-то около полутора часов, даже утро ещё не закончилось.

Тело ощутимо затекло в неудобном кресле, и он решил слегка размяться. Положил на пластмассовое сиденье газету, «застолбив» таким образом свой уголок в этом гудящем улье, и неловкой походкой пошёл вдоль зала ожидания. Музыкант у стены, бравший небольшую паузу, заиграл с новыми силами, и торжественные звуки здесь слышались

лучше.

Игорь Петрович внимательно изучил стенды с периодикой и сувенирами, пристально посмотрел в широкое – в пол вокзала – окно с веером расходящихся вдалеке железнодорожных путей – сходил не спеша в туалет, хотя можно было ещё потерпеть. На лестнице долго разъяснял старичку в потёртой дорожной одежде и большой сумкой на плече, как пройти к платформе на Березняково.

Чуть позже попил кофе – траты! – в буфете и пошёл, задевая о баулы и ноги в тесном ряду, на «своё» нынешнее место, где его ждала газета, кажется, такая же помятая и усталая, как разлётшийся на соседнем кресле небритый пассажир. Игорь Петрович расположился и впервые ощутил лёгкую подкатывающую панику. Читать было что, но не читалось, думать было не о чем. Бывший сотрудник фирмы привык в рабочее время всегда чем-то заниматься, хотя бы мелким и не очень нужным, а ставшее тяготить ожидание не давало для этого возможностей. Наверное, требовался навык, чтобы чем-то продуктивно заниматься в таких условиях и настроении, хотя бы кроссворды отгадывать, что ли, как увлечённо делала это пара напротив. Игорь Петрович впал в полузабытьё, в полунеопределённое тягостное недоумение. Часы, как ни странно, всё-таки потекли быстрее.

Он дотерпел до положенного времени, и вернулся домой как обычно с неё возвращался. Жена оказалась более оживлённой, чем обычно по вечерам, даже накрыла ужин, что не всегда успевала, и всё с улыбкой расспрашивала его о первом дне на службе после выходных: как там начальство, не меняется, не собирается повышать зарплату, а то трат ведь всё больше и цены растут. Муж отделивался общими словами и изо всех сил старался казаться спокойным. Ел, однако, без привычного аппетита, и это не ускользнуло от жены. Соврал, что заработался, и свой бутерброд съел в офисе только под вечер. Спать отправился рано, и, конечно, долго не мог заснуть, надремавшись на вокзале.

Новое «рабочее» утро показалось ещё более пустым и странным, таким же пасмурным, но хотя бы не шёл дождь.

Игорь Петрович поехал, чтобы не «светиться», «работать» на другой вокзал. Тот оказался поплотнее: старый, ещё не отремонтированный, но бывшему сотруднику он понравился почему-то больше. Может быть, потому, что был как-то поуютнее, попроще, без этого новомодного скрипучего пластика везде, и, казалось, что здесь легче затеряться,

здесь меньше обращают на тебя внимание.

За старым вокзалом последовал автовокзал, потом снова знакомый железнодорожный, откуда отправлялся когда-то в другой жизни в командировки. На окраине города уволенный нашёл библиотеку с читальным залом, куда его сначала не хотели записывать, так как он жил в другом микрорайоне. Впрочем, в читальном зале Игорь Петрович стал бывать не так уж часто, потому что здесь сложнее оказалось покидать своё место и прохаживаться, к тому же и газеты и книги по-прежнему читались не очень хорошо даже в тиши библиотеки.

Вообще, недавний менеджер сам порой удивлялся, как быстро утрачивает он профессиональные навыки. Ведь пробовал он читать и специальную литературу, где-то в самой глубине души лелея крохотную надежду – а вдруг его всё же позовут назад, вот то-то он блеснёт сохранёнными и приумноженными знаниями? – однако в отсутствие прямого предложения такое читательство шло даже хуже обычного. Так что где-то через недельку-другую Игорь Петрович уже чувствовал, что на службу ему уже и не очень-то хочется, не хочется вникать в проблемы и подчиняться определённой дисциплине. Как бы ни было сейчас смутно, может быть, лучше вот так – болтаться и создавать видимость?

Он также перестал возмущаться преступниками, отнимающими на улице или в подъездах у женщин и пенсионеров сумочки и деньги. Раньше такая информация из газеты или теленовостей, особенно когда в нападении были замешаны гастарбайтеры из южных республик, всегда вызывала у Игоря Петровича праведное негодование, которое он даже высказывал жене или сыну, хотя по другим общественным поводам обычно хранил молчание, обдумывая про себя. О, теперь он понимал и этих людей, зачастую из-за грешного приобретения идущих в тюрьму на большой срок! Быть может, их тоже выкинули с работы или оставили без оплаты их нелёгкий труд, лишили средств существования, не все же они из криминального мира.

Игорь Петрович и сам теперь порой примерялся порой мысленно к какому-нибудь подобному преступлению. Деньги у него рано или поздно закончатся, на работу, конечно, никуда не возьмут, и что тогда?.. Вырвать авоську из рук старушки – нет, на такое он точно не способен, но вот если что стырить в магазине, лучше каком-нибудь маленьком окраинном, схватить там деньги из кассы или вытащить кошелек у пьяного... На него могут сразу не подумать благодаря его интеллигентному виду...

Но тут уволенный встряхивал головой и сам грустно улыбался своим криминальным «планам».

Ещё одно место нашёл он в холле большого универмага, где, видимо, для привлечения покупателей устроили нечто вроде небольшой гостиной: в пространстве между большими магазинными дверями поставили несколько удобных кресел и столики для отдохновения клиентов и спокойной упаковки покупок. Отсюда никто не гнал, и Игорь Петрович полюбил здесь подрёмывать в непогожие дни. Ну а погожие приспособился проводить в скверах и парках.

Будние дни, поначалу мучительные, сделались тупо-привычными и почти безболезненными. После «трудового» месяца конспиратор отдал жене «зарплату» из припрятанной компенсации, которая, впрочем, таяла на глазах, в незначительной мере из-за его прячущихся скитаний по городу, как он ни старался экономить.

Конечно, пытался искать Игорь Петрович в эти бесконечные дни и работу, но с ней, как и с чтением, что-то плохо получалось. Оказалось, что умел он что-то делать только на одном конкретном месте – на старой фирме, с которой его сократили, в других же организациях его навыки как-то не очень требовались. Да ещё возраст и, чего греха таить, не самое лучшее уже здоровье. На простые работы его тоже не брали. Он и звонил по мобильному со скамеек в парках, и размещал резюме в интернете, но всё пока безуспешно.

Разоблачили же его довольно быстро, месяца через два. Уже стало заметно холодать, особенно по утрам, однажды в утренних сумерках на фоне стального неба уже блёстко парил первый снежок. Игорь Петрович, как всегда, сосредоточенно собирался «на службу», но при укладке в почему-то заметно помявшийся и потрепавшийся за эти месяцы портфель дежурного бутерброда с яблоком, его усталым голосом остановила жена: «Да сиди уж дома, холодно, где ты торчишь там, я же поняла, что ты не работаешь...».

Супруга, не первое десятилетие живущая с ним, сразу, конечно, заметила намётанным взглядом, что с мужем происходит что-то странное. А дальше он сам уже «проколотся» в нескольких ситуациях: например, жена по старой привычке дала ему отксерить на его работе кое-какие бумаги, он, конечно, отксерил, только в фотоальбе, где также и ксерили, да и забыл между бумагами фирменный чек.

Так будничное безделье потянулось уже дома, почему-то почти не отличающееся от сиденья на вокзалах. Игорь Петрович порой звонил работодателям,

рассылал понемногу резюме, даже пару раз съездил в какие-то унылые конторы для личного знакомства, но всё так же безуспешно. А больше он пристрастился полёживать по несколько часов на диване даже среди дня по несколько часов. Чувствовал, что мешает дома сыну, который, к счастью, не сбавил в учёбе и продолжал получать свою крохотную стипендию, которая, впрочем, в нынешних условиях стала заметным подспорьем семье. Сын возвращался из института нередко рано, приводил с собой друзей и подруг, и тогда квартира наполнялась шумным топотом ног и гулом молодых голосов. Игорь Петрович прикрывал дверь своей с женой комнаты, но всё равно понимал по сбавляющим тон голосам и приглушённым шагам мимо своего пространства, что его дневное присутствие, что называется, напрягает молодёжь. Встал Игорь Петрович, конечно, и на биржу труда.

Она-то, в конце концов, всё-таки пошла. Ближе к Новому году, после предложений, никак не устраивавших Игоря Петровича, он согласился на вакансию сотрудника в один из районных отделов соцобеспечения. Зарплата, конечно, небольшая, особенно по сравнению с его прежней, дисциплина весьма строгая и коллектив какой-то не очень доброжелательный. Но что поделать, выбирать уже не приходилось, зато под крышей.

Так что если вы когда-нибудь по возникшей надобности пойдёте в этот отдел и попадёте к спокойному худому и седоватому человеку, то считайте, что вам повезло. Он внимательно выслушает вас и обязательно постарается помочь, он не будет срывать на вас своё раздражение, как некоторые чиновники. Благодаря этому он уже завоевал определённую популярность у окрестного населения, иным просителям в сложных случаях он даже даёт номер своего мобильного, и те называют ему порой в нерабочее время.

И только изредка взгляд его становится рассеянным и грустным. Тогда он на минуту отключается от обступающих его проблем чужих людей и поверх стопок потёртых папок смотрит в узкое окно на плывущие над городом серые облака. Может быть, в эти моменты он вздыхает о том баснословном времени, когда он сидел в многоэтажном офисе уважаемой компании в уютном кабинете и придумывал новые афоризмы. С тех пор, как его уволили отсюда, и он сам сделался словно одним из слагаемых какого-то не очень понятного афоризма, стало как-то не до них.

Приезжай в нашу Тверь

«... Я в губернии Тверской»

А. С. Пушкин

* * *

Высоким слогом о простом –
Не изощрайтесь, не строчите.
Корова машет ли хвостом,
На грядке ль вымахал вредитель,

Гвалт неумолчный воронья
Или неспешный ход букашки
Лишь тот опишет без вранья,
Кто знает, что не лгут ромашки.

**Светлана Большенкова,
Нелидово**

* * *

Разбужу твою я тишину
Трелью соловьиной на лугах.
Обольюсь водой из родника
С каплями росинки на устах.

Я зарю на помощь позову.
Васильки сложу в пучок из грез.
Расчешу волос твоих копну
Ласковыми ветвями берез.

Музыка зари нас разбуди.
Далеко в поля нас уведи.
Все ромашки в поле расстели.
С радугою радость подари.

Я люблю тебя! Нет мне милей –
Лес, озера, реки и поля.
Материнскою душой меня согрей
Дорогая, нежная Земля.

**Светлана Миронова,
Пено**

* * *

Мне накапал дождь
сердечных капель
И вливал, до одури, настой.
Ночью бил в стекло,
а утром плакал,
днём смеялся
песенкой простой.

Только в этой песне
нет начала,
Не видать в ней
края и конца.
Я от этой музыки устала,
И молила замолчать
Творца.

**Наталья Шабанова,
Андреаполь**

Приезжай в нашу Тверь вдохновиться поэзией ветра,
Ты услышишь здесь песни истока российской души, –
Волга-матушка льется в старинных размерах и метрах,
И, стремясь в бесконечность, пока никуда не спешит.
Величавой и гордой ей стать еще в будущем надо,
Кораблями пронзенной, в иные миры уходить,
А пока, на земле моей – тихой и светлую правдой
Будет в сердце струиться, изгнав неуместную прыть,
Бестолковых и черных пустот заполняя резоны,
В путешествии к свету вести ручейками любви.
Не пристало доказывать ей, почему перезвоны
Храмов тысячелетних – у русских в глубинах крови,
Почему за погост, почему за березовость света,
За лихой перепляс и за нашу вселенскую грусть,
В бой солдаты идут, и над строчкою бьются поэты...
Ты послушай истоки, а я... доказать не берусь,
Почему надышавшись «тверскою губернией» вдоволь,
Наш великий поэт, воспевая красоты земли,
Возвращался сюда, в край, где избы как будто по-вдови
Приклонившись к березам, окошками в землю вросли.
Почему за покой деревенек, в веках растворенных,
Умирая, – мы знаем, – воскреснем в Отчизне родной,
Почему, от рожденья водою реки упоенный,
Я пою о Любви, и ведом лишь Любовью одной.

Этой песне, рожденной от Шепота
Слова, не веришь? -
Не пришло твое время, не хочешь
– не пой и не верь...
Опустевших миров открывая
бессонницей двери,
На часок загляни в нашу светлую
добрую Тверь...

**Елена Лучнёва,
Тверь**

Маленькие трагедии

Владимир Юринов

(Он и Она сидят на скамеечке)

Он: – Не реви... Значит так, за квартиру я заплатил. На два месяца вперёд. Кредит погашен. Доверенность на сберкнижку оформлена. Так что, с деньгами проблем у вас не будет.

Она (всхлипывая): – Может, всё-таки не надо...

Он: – Не реви... Танюшке ничего не говори. Ну, или там, – улетел, мол, папка далеко-далеко... А Петрухе можешь всё рассказать. Он уже взрослый. Поймёт.

Она (всхлипывая): – Как же мы без тебя?..

Он: – Не реви... Ничего. Другие – вон – живут, и вы проживёте... Джека не забывайте гулять... Да, дрель Петровичу отдай. Брал я у него. В прихожей лежит...

Голос: –Attention!.. Go!!!..

Он: – Ну всё... Пора!.. (отталкивается от скамеечки и скользит вниз по трамплину).

Он (задрал голову, орёт):

– Ну и как тебе после этого верить?! Я же молился на тебя! Я же ради тебя – всё! Пить бросил! Курить бросил! Работу поменял! Сажу теперь в этом... серпентари! Я же души в тебе не чаял!.. Да я на рыбалке уже полгода не был!! Мне друзья и звонить уже перестали! Я ж тебе как себе верил! А ты!.. А ты!..

Женский голос сверху: – Васенька, да не убивайся ты так. Хочешь, – я тебе следующего мальчика рожу. Честно-честно...

Она: – Эдуард?!..

Он: – Нет... Саша...

Она: – Топ-менеджер совместного предприятия, дом на Рублёвке, «Порш Кайен», бездетный вдовец?

Он: – Автослесарь. «Нива». Жена, дочь, двушка в Бирюлёво...

Она: – Август 2007-го, Сочи, «Лазурная», верхний бар, потом 603-ий люкс...

Он: – А.. Анжела?.. Из Питера?!

Она: – Да!!! Но только Таня! Из Торжка! (влепляя ему пощёчину) Подлец!! (уходит).

Он (лёжа на ней): – Ну как? Не больно?

Она (прислушиваясь к ощущениям): – Да вроде нет... Всё так быстро произошло. Я толком-то и понять ничего не успела.

Он: – А мне даже понравилось.

Она: – Да-а?.. Ну, если б я сверху была, может быть, мне б тоже понравилось.

Он: – Следующий раз так и сделаем.

Она: – Смешно... Тебя хоть как зовут?

Он: – Андрей.

Она: – А меня Лена... Слушай, Андрюша, а тебе не кажется, что после того, что у нас с тобой случилось ты, как порядочный джентльмен, обязан на мне жениться?

Он: (смеётся): – А ты ничего, тоже с юмором...

Она: – Да ещё с каким...

Он: – Я, Лен, женат. У меня на той неделе дочка родилась...

Она: – Да-а?.. Поздравляю...

Он: – Спасибо...

Она: – Ладно, джентльмен, давай, слазь с меня. И помоги подняться...

(Он вскакивает, помогает ей подняться, подаёт сумочку, потряхивает).

Она (заглядывая в сумочку): – Ой, зеркальце разбилось... Чёртов гололёд!..

Не было ни в мыслях и ни в планах –
Угорать черемушным дурманом.
Но плутала узенькая стежка
Меж черемух, вишен и сиреней,
И в одну сливались наши тени,
И сбивали с толку понемножку.

В ароматном омуте бездонном
Сами по себе сплелись ладони.
Мне б понять теперь такую малость:
Как в глубинах глаз мы увидели
Позабывтой молодости дали?
Упорхнула с плеч долой усталость,
Это было или показалось?

*Маргарита Петрова,
Андреаполь*

В ПОХОДЕ

Над рекою солнце встало,
Заскользило по росе.
А ребята, что устали,
Что-то видят в смутном сне
Про подводную охоту
И сосновые леса,
Вместе с речкою Торопой
Заглянувшие в глаза.
Снится рыба, снятся ружья
И окопы на горе...
Спят ребята. Лагерь дружный
Стихнул полностью к заре.

*Святослав Кетлеров,
Нелидово*

В июне запад превратился в юг:
Почти спит сияньем летней ночи.
Пока до первых тополиных вьюг
Мостится путь в полсотни
новострочий,
Давай немного помолчим с тобой
О том, что день был жёлт,
как Бонифаций;
Что знойный ветер, мерный,
как прибой,
В пыли полощет заросли акаций,
А прежде в них, меж листьев, у коры,
В неутолимой жажде изнывая,
От злой жары скрывались комары.
Давай увидим, снова прозревая,
Как пляшет бражник, облетая клён
В пути к луне пленительно-холодной,
Как будто он в неё одну влюблён.
Красиво.
Неизбывно.
Безысходно.

*Игорь Столяров,
Нелидово*

Разочарован в человечестве...

* * *

Я не пророк в своём Отечестве,
Но всё же, горестно любя,
Разочарован в человечестве
Всем тем, что знаю про себя.

*Игорь Столяров,
Нелидово*

* * *

Неужели жизнь сковала
И впихнула молча в быт?
Ведь дела и дни – навалом,
Путь к познанию закрыт?

Неужели жизнь связала
И работой, и семьей?
Планы пишутся устало,
Но срываются судьбой?

А надежды утешают:
Время будет, погоди...
Верно, так и засыпают
Наши лучшие мечты.

*Святослав Кетлеров,
Нелидово*

МОНОЛОГ ГЛЯДЯЩЕГО В ОКНО

Ну, снег. Подумаешь! Бывало
гораздо толще одеяло,
в который кутала зима
медвежий угол наш дремучий,
все эти, сбившиеся в кучу,
полуослепшие дома.
Уж было снегу! Где – по пояс!
Я помню, не пробился поезд
на нашу станцию – пути
перемело. Шальная вьюга
за сутки замела округу.
Всё! Ни проехать, ни пройти!
А нынче что? Чуть притрусил.
Да, всё пушистенько и мило,
но ведь не более того!
А где мороз?! Где злая стужа?!
Где окна с вязью белых кружев?!
Бураны?! Шквалы?!
Ни-че-го!
Что ж, может, в том и нет печали,
стихии нынче измельчали.
Печаль же в том, что измельчал
и весь народ. Герои нынче
те, кто ловчее в кнопки тычет,
да те, кто пламенней в речах.
Кто рос в тепле, не станет хватом!

Богатыри не вы! Куда там!
Вся ваша жизнь – лишь черновик.
Снега не разгрести речами!
Эх, где ты, Павка наш Корчагин?!
Где наша Боярка, старик?!
Мы, помнится, не из корысти...
Что, милая? Снежок почистить?..
Достала... Позже, говорю!..
Ну, ладно, всё! Не лезь на стену!..
Вот только тапочки надену.
Да сериальчик досмотрю...

*Владимир Юринов,
Андреаполь*

* * *

С поникших плеч упала шаль.
Вся грусть моя на дне стакана.
И ничего уже не жаль.
Кружится вечер полупьяный.
Кружатся пьяные дома.
Одна среди этой круговерти
Ещё чуть-чуть – сойду с ума.
И скалятся в окошко черти.

*Светлана Большенкова,
Нелидово*

* * *

Я зарифмую главную беду,
кофейной гущей выплесну на лист.
Я столько лет с удачей не в ладу
и наблюдаю жизнь из-за кулис.

В затейливом рисунке разгляжу:
мне выпадут юрист и гитарист.
Кофейному не рада миру, раду,
Хоть и сама плеснула их на лист.

Опять не в масть, не так, не там,
не те...

Есть всё, но почему-то нет тебя.
И в сотворенной мною маяте
вновь поводы к разлукам и скорбям.

*Маргарита Петрова,
Андреаполь*

ДВА СЫЧА

Мой взгляд с утра невесел,
И ты свой нос повесил.
Как два сыча, в молчанье:
Ты – в комнате, я – в спальне...

А в окна рвётся солнце,
И так ему неймётся
Согреть два этих сердца...
Но нет – закрыты дверцы.

Весну сменила осень,
И чувства – на износе.
Но я на всё чихаю!
Пойду, напьюсь-ка чаю.

*Светлана Виноградова,
Нелидово*

* * *

Какой же кофе ароматный,
А рафинад как бел и сладок!
И жить совсем-совсем приятно!!!!
Но нет, чего-то ещё надо.
Сижусь, и так и сяк гадаю, –
задача, в общем, нелегка –
чего мне в жизни не хватает?
Быть может, даже пустяка,
какой-то капли или крохи,
чтоб окончательный ажур...
Противен как остывший кофе,
к тому же сладок чересчур!!!

*Пётр Бобунов,
Нелидово*

* * *

И надо быть, и надо жить,
И надо думать о живом,
И на скаку остановить
Коня, войти в горящий дом.

И надо ехать, надо плыть,
Крутиться вихрем и волчком,
И надо есть, и надо пить,
А боль растёт как снежный ком.

Но надо что-то говорить,
Смеяться всем смертям назло,
Любить и верить, и творить,
И вспоминать светло.

*Надежда Егорова,
Долгопрудный*

* * *

Час назад – метель, снег сплошной
стеной.

Небо рухнуло. Не поднять!
Оттого тоска, будто бы больной,
Что просвета нет, не видать...
Но внезапно свет озарил окно,
Вспыхнул искрами небосвод.
Солнце лучиком на ладонь легло,
Растопило на сердце лёд.
Было так всегда: чередой полос
Рисовала жизнь горизонт.
Ну а радуга – разноцветный мост
И надёжный от ливня зонт.

*Наталья Шабанова,
Андреаполь*